

ВТОРОЙ ЛИСТЬ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4521.

Воскресенье, 24-го Января, 1899 г.

№ 4521.

Почившая княгиня Болгарская Марія
Луїза съ сыномъ княжичемъ Тырнов-
скимъ Борисомъ.

(Съ фотографії, снятой г. Тираспольскимъ во врем-
я пребыванія болгарской княжеской четы въ
Одессѣ, въ іюлѣ 1898 г.)

Комитетъ лиги «Droite de l'homme».

1) Дюкло, 2) Трапіе, 3) Гримо, 4) Моргаръ, 5) Ивъ-Гюйо, 6) Прессанса, 7) Ж. Рейнакъ.

Комитетъ лиги «Patris Française».

1) Ж. Леметръ, 2) Ф. Колле, 3) Брюнетьеръ, 4) Жиаръ, 5) Маги, 6) Дюбуа, 7) М. Барро.

Душечка^{*}.

Олењка, дочь отставного коллежского ассессора Плещинского, сидѣла у себя во дворѣ на крылечкѣ, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было такъ пріятно думать, что скоро ужъ вечеръ. Съ востока надвигались темныя дождевыя тучи, и оттуда изрѣдка погигало влагой.

Среди двора стоялъ Кукинъ, антрепренеръ и содержатель увеселительного зала «Тиволи», квартировавшаго тутъ же во дворѣ, во флигельѣ, п глядѣлъ на неё.

— Опять! — говорилъ онъ съ отчаяніемъ. — Опять будеть дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди — точно царю! Вѣдь это нестя! Это разорене! Каждый день страшные убытки!

Онъ велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣдь вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу? Артисты плачу?

На другой день подъ вечеръ опять надвигались тучи, и Кукинъ говорилъ съ истерическимъ хохотомъ:

— Ну что-жъ? И пускай! Пускай хоть весь садъ зальетъ, хоть меня самаго! Чтобъ мѣньше было счастья ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ! Пускай артисты подаютъ на меня въ судъ! Что судъ? Хотъ на катеру въ Сибирь! Хотъ на эшафотъ! Ха ха-ха...

И на третій день то же...

Олењка слушала Букина молча, серъезно,

и, случалось, слезы выступали у нея на глазахъ. Въ концѣ-концовъ несчастья Букина тронули ее, она его полюбила. Онъ былъ малъ ростомъ, тощъ, съ желтымъ лицомъ, съ зачесанными височками, говорилъ жидкимъ теноркомъ, и когда говорилъ, то кривилъ ротъ; и на лицѣ у него всегда было написано отчаяніе, но все же онъ возбуждалъ въ ней настоящее, глубокое чувство. (на постоянію любила кого-нибудь и не могла безъ этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидѣлъ больной, въ тѣмной комнатѣ, въ креслѣ и тяжело дышалъ; любила свою тетю, которая погодя, разъ въ два года, прѣѣзжала изъ Брианска; а еще раньше, когда учились въ пригимназии, любила своего учителя французскаго языка... Это была тихая, добродушная жалостливая барышня съ кроткими, мягкими взглѣдами, очень здоровая. Глядѣя на ея полныя розовыхъ щеки, на мягкую блѣдую шею съ темной родинкой, на добрую наинную улыбку, которая бывала на ея лицѣ, когда она слушала что-нибудь пріятное, мужчины думали: «Да, ничего себѣ...» и тоже улыбались, а гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдругъ среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить въ порывѣ удовольствія:

— Душечка!

Домъ, въ которомъ она жила со дніемъ рож-

дения и который въ завѣщаніи былъ записанъ

^{*} Рассказъ этотъ напечатанъ въ 1-мъ № «Семьи».

на ея имя, находился на окраинѣ города, въ Цыганской Слободѣ, недалеко отъ зала «Тиволи»; по вечерамъ и по ночамъ ей слышно было, какъ въ саду играла музыка, какъ лопалась стъ трескомъ ракеты, и ей казалось, что это Кукинъ веюется со своей судьбой и берегъ приступомъ своего главнаго врага — равнодушную публикѣ; сердце у нея сладко замирало, спать совсѣмъ не хотѣло, и когда подъ утро она возвращалась домой, она тихо стучала въ окно изъ своей спальни и, показывая ему сквозь занавѣски только лицо и одно плечо, ласково улыбалась.

Онъ сдѣлалъ предложеніе, и она покинулась. И когда онъ увидѣлъ какъ садѣютъ ся шею въ поиздѣнѣ здоровья плачи, то всплеснулъ рѣками и проговорилъ:

— Душечка!

Онъ былъ счастливъ, но такъ какъ въ день свадѣбы и потому ночью шелъ дождь, то съ его лица не выходило выраженіе отчаянія.

Послѣ свадѣбы жили хорошо. Она сидѣла у него въ кассѣ, смотрѣла за порядками въ саду, заправляла расходы, выдавала жалованье, и ея розовые щеки, милы, чисты, похожая на сіяніе, улыбка мѣлкими то въ окончѣніи публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

Соцкая кухарка, шлепая босыми ногами по лужамъ, побѣжалась отворять.

— Отворите, сдѣлайте испытъ! — говорилъ кто-то за воротами глухимъ басомъ. — Вамъ теграмма!

Олењка и раньше получала телеграммы отъ мужа, но теперь почему-то такъ и обомѣла. Дрожающими руками она распечатала телеграмму и прочла слѣдующее:

«Іванъ Петровичъ скончался сегодня скоропостижно съюза ждемъ распоряженій хохорона вторника».

Такъ и было напечатано въ телеграммѣ «хохорона» и какое-то еще слово: «сююзъ» подпись была режиссера опережочной труппы.

Онъ сдѣлалъ предложеніе, и она покинулась. И когда онъ увидѣлъ какъ садѣютъ ся шею въ поиздѣнѣ здоровья плачи, то всплеснулъ рѣками и проговорилъ:

— Душечка!

Онъ былъ счастливъ, но такъ какъ въ день свадѣбы и потому ночью шелъ дождь, то съ его лица не выходило выраженіе отчаянія.

Послѣ свадѣбы жили хорошо. Она сидѣла у него въ кассѣ, смотрѣла за порядками въ саду, заправляла расходы, выдавала жалованье, и ея розовые щеки, милы, чисты, похожая на сіяніе, улыбка мѣлкими то въ окончѣніи публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

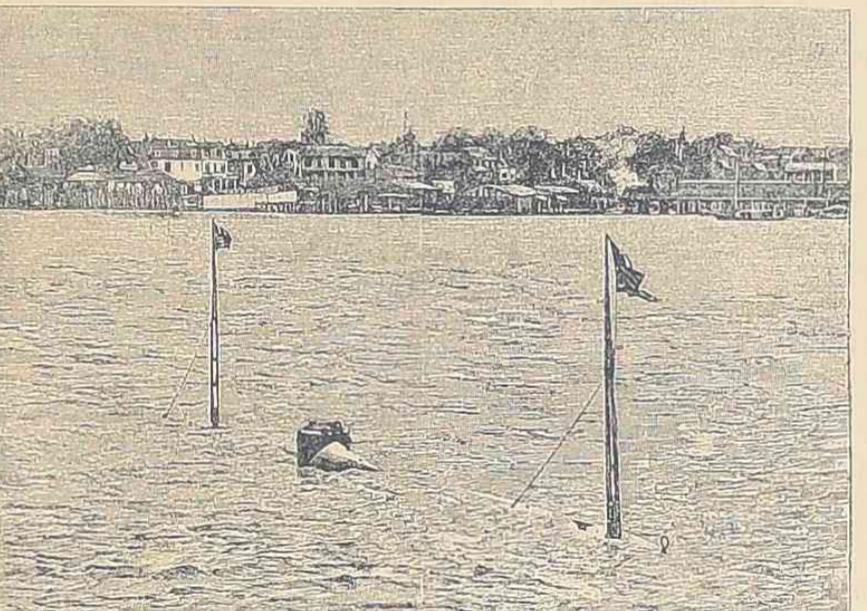
— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумашь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что либди? Ей нуженья балаганы! Ей подадай попытость! Съ другой стороны, взглантите на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ заряжало съ десятаго мая, такъ потомъ весь май и июня, просто ужасъ! Публика не ходить, но вѣдь и за арену плачу?

Она велесущуя руками и продолжалъ, обращаясь къ Олењке:

— Вѣмъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хотъ плачъ! Работаешь, стараешься, мучишься, почѣ не спишь, все лумаш

Одесскій военно-окружный судъ и прокурорскій надзоръ.

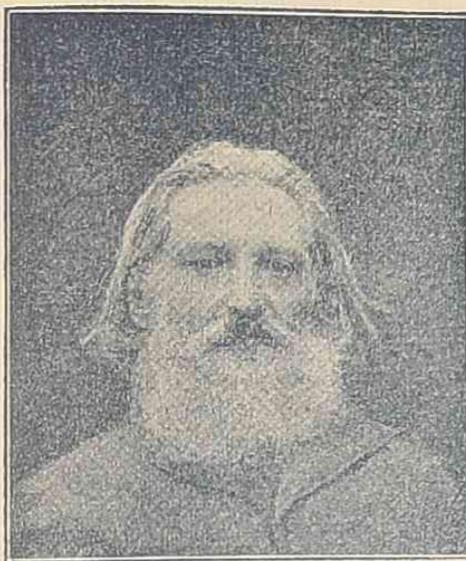
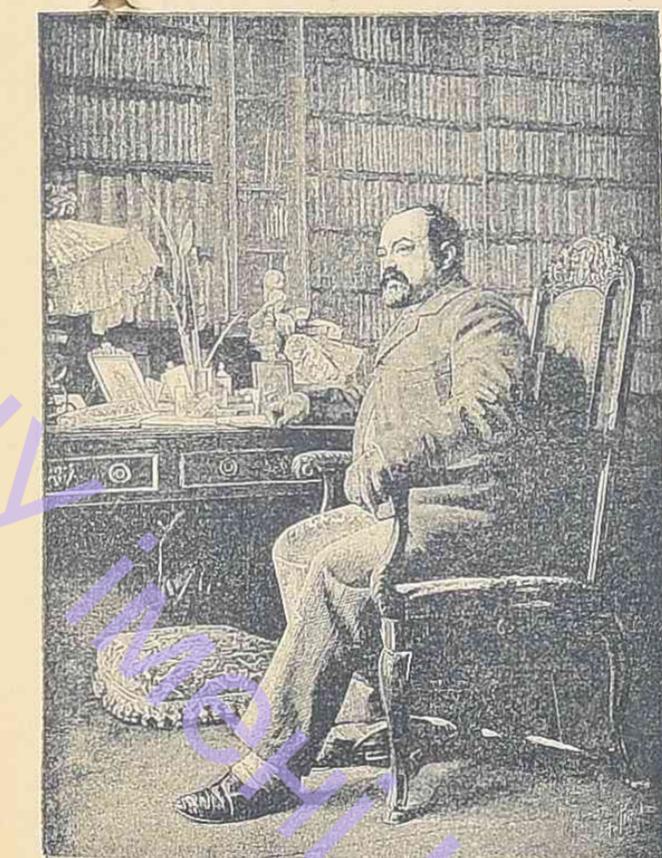
Ужасы новѣйшихъ вооруженій.—Подводная лодка «Holland».

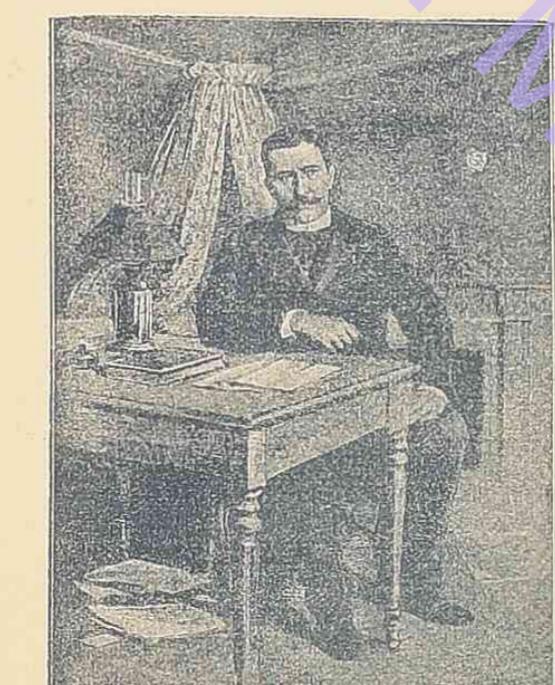
Н. П. Рошинъ-Инсаровъ въ гробу.

В. А. Данскій,
новый управ. акционными собраниями въ Херс. губ.Гжа Ари,
вдова полковника Ари.
ПРОЦЕССЪ АРИ-РЕЙНАКЪ.

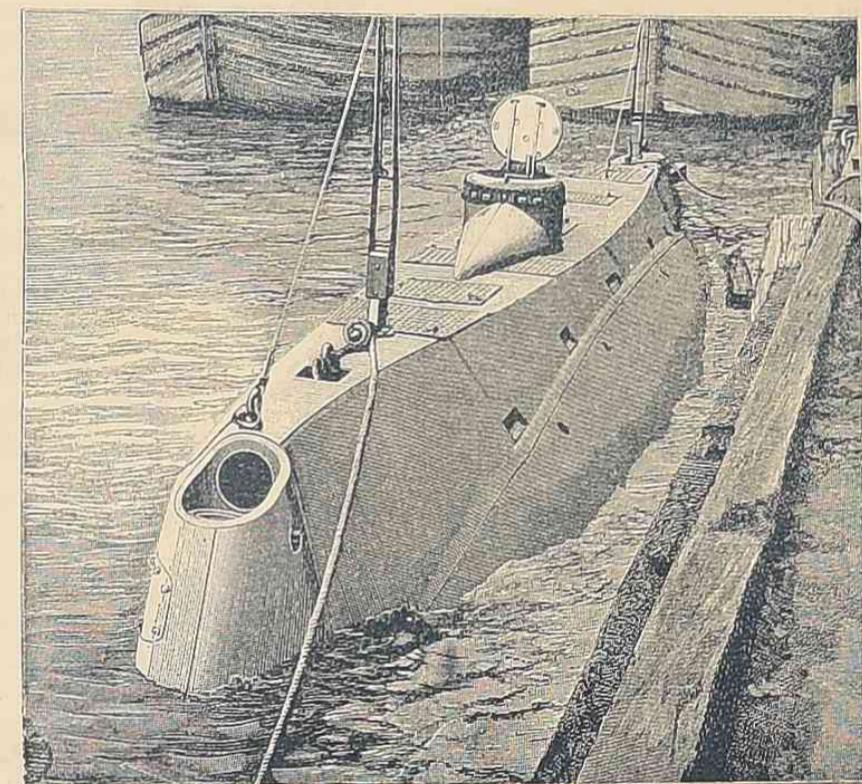
М. Сентъ-Санъ, адвокатъ г-на Ари.

Н. А. Чаевъ, драматургъ
(по поводу 40-лѣтія его литературной деятельности).

Ж. Рейнакъ.

Полковникъ Пиккаръ въ камерѣ тюрьмы «Cherche-Midi».

Агвинальдо,
глава инсургентовъ на Филиппинскихъ островахъ.

Ужасы новѣйшихъ вооруженій.—Подводная лодка «Holland».

Новобрачная чета: баронъ Цудерстремъ и его супруга (Аделіна Патти).

прѣхала попробовать счастья на волѣ, пожить осѣдлой жизнью... Да и сына пора ужъ отдавать въ гимназію. Выросъ. Я то, зашестѣли, помирился съ женой.

— А гдѣ же она? — спросила Олеинка.

— Она съ сыномъ въ гостиницѣ, а я вътъ хожу въ квартиру лицу.

— Господи, батюшка, да возьмите у меня даму! Чѣмъ не квартира? Ахъ, Господи, да и съ вѣстъ ничего и не возьму, — заворовавшася Олеинка и опять заплакала. — Живите тутъ, а съ мной и флагелъ довольно. Радость то, Господа!

На другой день уже красили на дамѣ крашу и бѣлья стѣны, и Олеинка, побоченясь, ходила по двору и распорижалася. На лицѣ ея засвѣтилась прежняя улыбка, и всѣ она ожила, посвѣжѣла, точно очнулася отъ долгаго сна. Прѣхала ветеринаръ, худая, некрасивая дама съ короткими волосами и съ капризными выраженіемъ, и съ юношескимъ Саша, маленький по лѣтамъ (ему шель уже десятый сдѣлъ), полны, съ ясными голубыми глазами и съ имѣніемъ на щекахъ. И едва маленький вошелъ во дворъ, какъ побѣжалъ за кошкой, и тотчасъ же послышалася его веселый, радостный смѣхъ.

— Тетенька, эта ваша кошка? — спросила онъ у Олеинки. — Когда она уась окогитится, то, пожалуйста, подарите памъ одного котеночка. Мама очень боится мышей.

Олеинка поговорила съ памъ, напопила его чаемъ, на сердѣцѣ у нея въ груди стало вдругъ тепло, оно сладко сжалось, точно этотъ маленький былъ ей родной сынъ. И когда вечеромъ онъ, спи въ столовой, повторялъ уроки, она смотрѣла на него съ умиленіемъ и съ жалостью шепталъ:

— Голубчикъ мой, красавчикъ... Дѣточка моя, и уродился же ты такой умній, такой бѣленький.

— Островомъ называется, — прочелъ онъ — часть суши, со всѣхъ сторонъ окруженнай водою.

— Островомъ называется, — часть суши... — повторила она, и это было ей первое мѣніе, которое она высказала съ увѣренностью послѣ столькихъ лѣтъ молчанія и пустоты въ мысляхъ.

И она уже имѣла свои мѣнія и за ужиномъ говорила съ родителями Сашо томъ, какъ теперь дѣтимъ трудно учиться въ гимназіяхъ, по что всѣ-таки классическое образованіе лучше реальнаго, такъ какъ изъ гимназіи вслѣдъ открыта дорога: хочешь — піши въ доктора, хочешь — въ инженеры.

Саша стала ходить въ гимназію. Его мать уѣхала въ Харьковъ къ сестрѣ и не возвращалася; отецъ его каждый день уѣзжалъ куда-то осматривать гурты и, случалось, не возвращался до маѣдь три, и Олеинка казалось, что Сашу совсѣмъ забросили, что онъ лишился въ дамѣ, что онъ умираетъ съ головы: и она перепела его къ себѣ, во флагель, и устроили его тамъ въ маленькой комнатѣ.

И вѣтъ уже прошло полгода, какъ Саша живеть у нея во флагель. Каждое утро Олеинка входитъ въ его комнату; онъ крѣпко спитъ, подложивъ руку подъ щеку, не дышитъ. Ей жаль будить его.

— Сашенька — говорить она начально, — вставай, голубчикъ! Въ гимназію пора.

Онъ вставаетъ, одѣвается, молится Богу, по-томъ садится чай пить; выпиваетъ три стакана чаю и сѣдѣда два большихъ бублика и полъ-французскаго хлѣба съ масломъ. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ сна и потому не вѣтъ духъ.

— А ты, сашенька, не твердо выучилъ басню, — говорить Олеинка и глядѣть на него такъ, будто провожаетъ его въ дальнюю дорогу.

— Забота миъ съ тобой... Ужъ ты стараися, голубчикъ, учись... Слушайся учителей.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! — говорить Саша.

Затѣмъ онъ идетъ по улицѣ въ гимназію, съ маленькой, но въ большомъ картузѣ, съ раницею на спинѣ. За памъ безумно идетъ Олеинка.

— Сашенька-а! — охлаждастъ она.

Онъ оглядывается, а она суетъ ему въ руку фишкѣ или карамельку. Когда поворачивается въ тѣтъ переулокъ, где стоитъ гимназія, ему становится совсѣмъ, что за памъ идетъ высокая, любвеобильная; ея лицо, помолодѣвшее за послѣдній погодъ, улыбается, синѣетъ; встрѣчные, глядя на нее, испытываютъ удовольствіе и говорятъ ей:

— Оно останавливается и смотрѣть ему всѣль, — говорить ей.

Кираса, которую носилъ Колумбъ.

Свищевый ящикъ съ предполагаемыми останками Колумба, въ С. Доминго.

не игралъ, пока онъ не скрывался въ подъѣздѣ гимназіи. Ахъ, какъ она его любить! Изъ ея прежнихъ привилегій ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ей душа не покорилась такъ безизвѣстно, безкорыстно и съ такой оградой, какъ теперь, когда въ ней все болѣе и болѣе разгоралось материнское чувство.

За этого чужого ей мальчика, за его имѣнія на щекахъ, за картузъ, она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы съ радостью, со слезами умиленія. Потому? А кто же его знаетъ — почему?

Проводница Сашу въ гимназію, она возвратилась домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; ея лицо, помолодѣвшее за послѣдній погодъ, улыбается, синѣетъ; встрѣчные, глядя на нее, испытываютъ удовольствіе и говорятъ ей:

— Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я самъ дойду.

Она останавливается и смотрѣть ему всѣль,

— Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна!

Какъ поживаете, душечка?

— Трудно теперь стало въ гимназіи учиться, — разсказываетъ она на базарѣ. — Шутка ли, вчера въ первомъ классѣ задали басню наизусть да перевѣтъ латинскій, да задачу... Ну, гдѣ тутъ маленькому?

И она начинаетъ говорить объ учителяхъ, объ урокахъ, объ учебникахъ, — то же самое, что говорить о нихъ Саша.

Въ третьемъ часу имѣеть обѣдніе, всѣромъ имѣеть готовить уроки и плачутъ. Укладывая ею спать, она его долго креститъ и шепчетъ молитву, потому, ложася спать, грезитъ о томъ будущемъ, далекомъ и туманномъ, когда Саша, кончишъ курсъ, станетъ докторомъ национальной дѣлъ, лондей, коляске, женится, и у него родится дѣти... Она засыпаетъ и все думаетъ о томъ же, и слезы текутъ у нея по щекамъ изъ закрытыхъ глазъ. И черная кошечка лежитъ у нея подъ бокомъ и мурлычетъ:

— Мур... мур... мур...

Вдругъ сильный стукъ въ калитку. Олеинка просыпается и не дышитъ отъ страха; сердце у нея сильно бьется. Проходить полминуты, и оятья стукъ.

— Это телеграмма изъ Харькова, — думаетъ она, начиная дрожать вѣтъ тѣломъ. — Мать требуетъ Сашу къ себѣ въ Харьковъ... О, Господи!

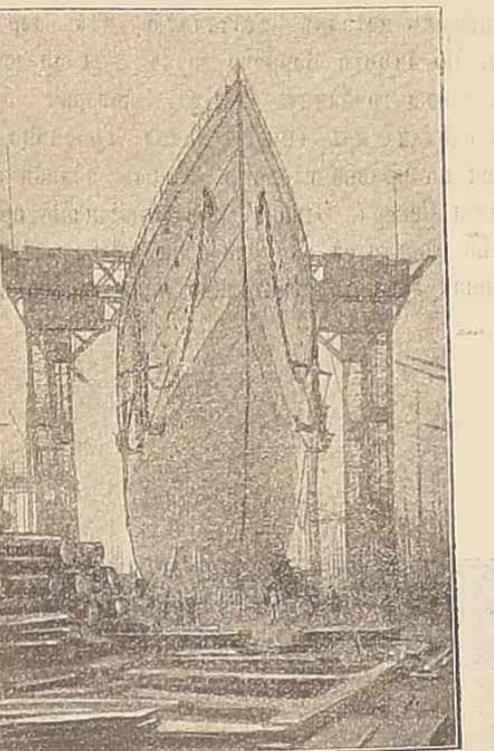
Она въ отчаяніи; у нея холодаютъ голова, ноги, руки, и кажется, что несчастіе ся нѣть человѣка во всемъ свѣтѣ... Но проходить еще минута, слышатъ голоса: это ветеринаръ вернулся домой изъ клуба.

— Ну, слава Богу, — думаетъ она.

Отъ сердца мало по мазу отлегаетъ тѣжесть, опять становится легко; она ложится и думаетъ о Сашѣ, который спить бѣжкѣ въ сбѣдней комнатѣ и изрѣка говорить въ бреду:

— Я т-тебѣ! Пошелъ вонъ! Не дерпись!

Антонъ Чеховъ.

«Oceanic» на верфи.

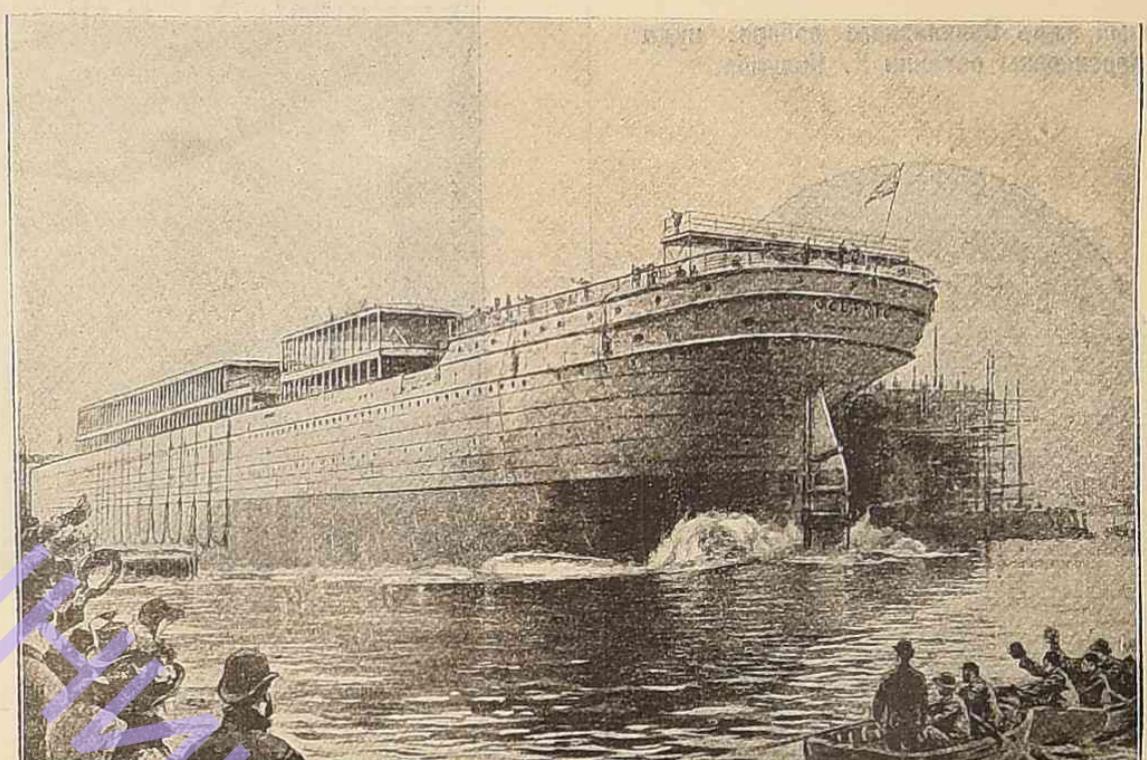
Перенесеніе останковъ Колумба.

Лицаря съ большой торжественностью Испанія праздновала свое бывшее колоніальное величіе. Въ этотъ день знаменій каѳедральный соборъ въ Севильѣ принялъ въ свою гѣрьду останки Христофора Колумба, перевезенные изъ Вест-Індій и долго хранившіеся на Гаваніи, главномъ городѣ Кубы. По прибытии въ Кадикѣ гробъ съ останками былъ вскрытъ и изъ немъ найдены были кое-какіе остатки и пепелъ; затѣмъ гробъ былъ снова заключенъ и отправленъ въ Севилью. При громѣ пушекъ, при стечѣніи многолюдной толпы, наполнившей улицы города, гробъ былъ привезенъ къ каѳедральному собору. Въ общемъ, останкамъ были оказаны такія же воинскія почести, какъ умершему на службѣ германцу. На улицахъ расположились шпалеры пѣхотныхъ войскъ, а въ скверахъ артиллѣріи и канонеріи. На всѣхъ общественныхъ зданіяхъ развѣвались флаги, спущенные въ знакъ траура до половины флагштока; дома на улицахъ, по которымъ двигалася процесія, были задрапированы траурной матеріей. Гробъ несли генералы и обер-офицеры. Представители короля и королевы регентши испанской на перемоніи явился герцогъ Верагуа, единственній потомокъ Христофора Колумба. Останки Колумба не впервые подвергались торжественной церемоніи перенесенія. Колумбъ умеръ 1506 г., но уже въ 1513 г. его останки были перенесены въ монастырь Лас-Кевасас въ Севильѣ. Въ 1530 г. они снова были перенесены въ С. Доминго, а въ 1796 г. въ каѳедральный соборъ въ Гаваніи, гдѣ и поконились до послѣдняго времени.

Подводные миноноски

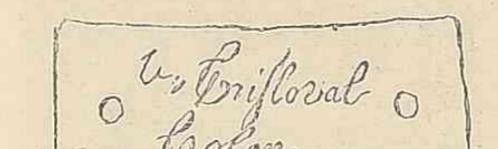
Въ послѣднее время военные сферы сильно заняты подводными миноносцами которыхъ принадлежитъ громадное значеніе въ морскихъ сраженіяхъ. Во Франціи недавно произведены опыты надъ подводной лодкой «Густавъ Цеде», давшіе блестящіе результаты. Газета

«Oceanic», самое большое судно въ свѣтѣ.

Карапелла „Santa Magdalena“, на которой Колумбъ въ первый разъ переплылъ океанъ.

Падпись на ящикѣ съ останками Колумба.

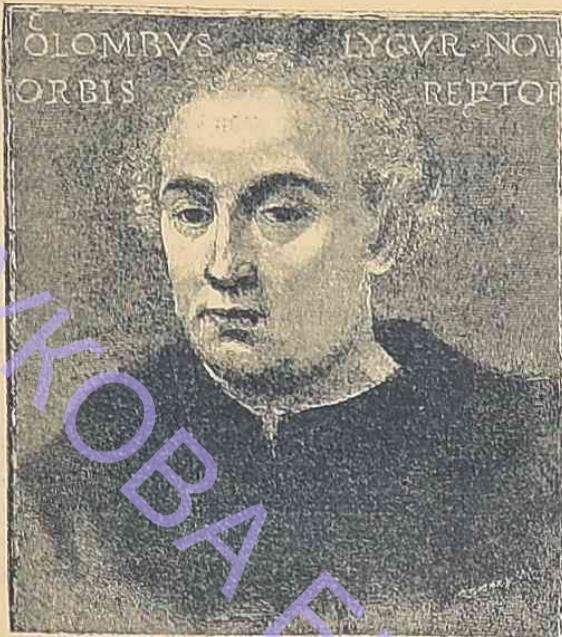

Перенесеніе останковъ Христофора Колумба въ Севилью.

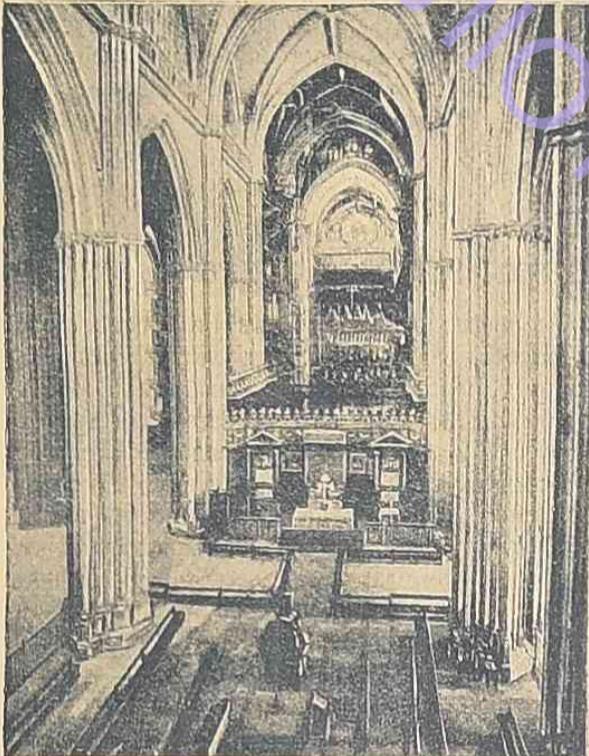
«Matin», воодушевленная такими успѣхами, открыла публичную подписку для постройки вѣтровой лодки «Гранада». Въ течение непродолжительнаго времени подписка дала около 300.000 франковъ. Изображенная на нашемъ рисункѣ миноноска «Holland» имѣть въ длину 15,5 метровъ, весячиеть 74 тонны; въхукиша масть находиться въ водѣ, на спускъ ей находится падстройка, которая служитъ мостомъ, когда судно плаваетъ по поверхности моря, и руль находится почти въ центрѣ ея. Мачина лодки имѣть 50 лошадиныхъ силъ и сообщаетъ судну скорость въ 7 узловъ въ часъ. При полномъ заливе газолина судно можетъ сдѣлать непрерывно 1000 миль. Севилья возвѣхъ передасть посредствомъ особыхъ резервуаровъ. Даже во время плаванія судна эти резервуары могутъ наполняться посредствомъ особой трубы, выходящей на поверхность моря. Резервуары могутъ доставлять командѣ воздуха для дыханія. Въ морѣ судно можетъ плавать въ воздухѣ снаряды, содержащіе 50 килограммовъ взрывчатыхъ веществъ, на расстояніи 100 метровъ; другая пушка можетъ пускать въ воздухѣ снаряды, содержащіе 1000 метровъ, снаряды же снаряды на расстояніи 100 метровъ. Команда судна состоять изъ 6 человѣкъ, для военныхъ дѣйствий достаточно и 4 человѣкъ.

Самое большое судно въ мірѣ.

Въ прошлую субботу въ Бельфастѣ состоялся спускъ самого большого судна въ мірѣ «Oceanic», принадлежащаго одной изъ английскихъ компаний и предназначенаго для крейсеровъ между Англіей и Соединенными Штатами. Судно имѣть 215 метровъ въ длину, 21 метръ въ ширину и подводнѣніе въ 28.500 тоннъ. Считавшися до сихъ порь самыми большими судами «Great Eastern» имѣло всего 210 метровъ длины, 25 метровъ ширину, по водонѣмѣнію его достигало всего 2.000 тоннъ. Самые большие броненосцы имѣютъ всего 12.000 тоннъ, самые большие крейсеры — 14.000, и по сравне-

Новоткрытый портретъ Христофора Колумба.

Главный нефъ Севильского собора. куда перенесены останки Х. Колумба.

И. Т. Понизовская
(по поводу 25-лѣтія сценической дѣятельности).

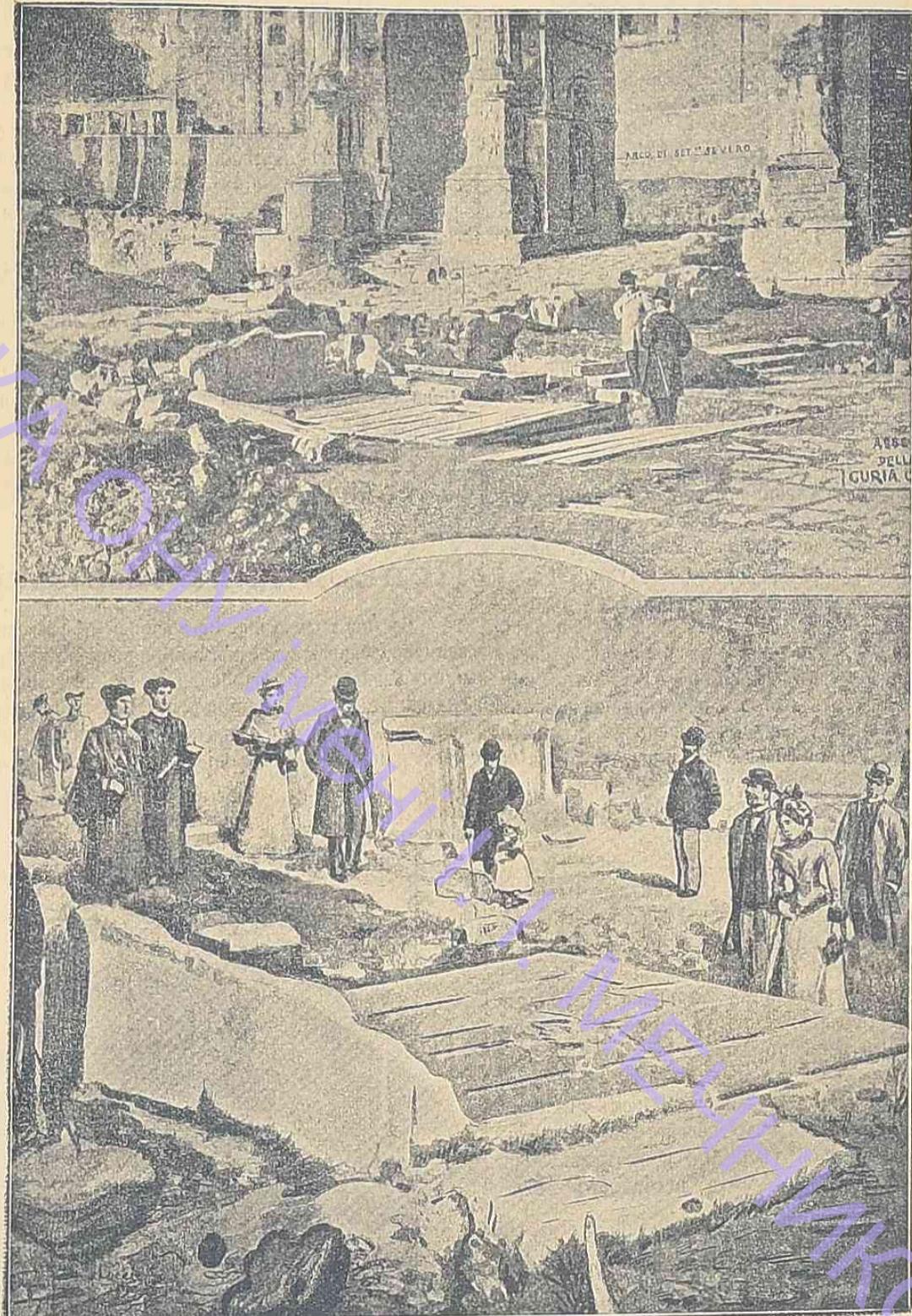
Редакторъ-издатель А. П. Старковъ.

Дозволено цenzурою, Одесса, 20-го января 1899 года.

Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул., д. Бубы.

ию съ судномъ „Oceanic“ водоизмѣщениѳ ихъ оказывается вдвое менѣе. Команда «Oceanic» будетъ состоять изъ 394 человѣкъ. Судно будетъ принимать 400 пассажировъ первого класса, 500 второго и 1000 третьяго. Вѣсить оно 11.000 тоннъ.

квадратныхъ метровъ, сдѣланную изъ черлаго камня. По мнѣнію Варринга, арка эта представляетъ собою гробницу Ромула, которая была также сдѣлана изъ чернаго камня. Гробница находится на правой сторонѣ улицы, вблизи арки Септимія Севера. Однако даже итальянскіе археологи не рѣшаются съ точностью утверждать, что найденная арка действительно представляетъ со-

Римскія раскопки.—Гробница царя Ромула.

Гробница царя Ромула.

10 января с. г. римскіе археологи обнаружили въ Римѣ на Via Sacra арку въ иѣсколько

вой гробницу Ромула, и по этому вопросу среди нихъ возникли уже серьезныя разногласія.

Редакторъ Е. В. Васьковскій.